

Синтаксические острова и относительные конструкции в северокавказских языках: предварительные наблюдения

Ю.А. Ландер

Институт востоковедения РАН, Москва

1. В известной работе Дж. Росса (Ross 1967) на материале английского языка было показано, что некоторые составляющие — *синтаксические острова* — не допускают применения правил, которые одновременно затрагивают их части и внешние элементы. Типичные примеры островов — один из конъюнктов в сочинительной структуре, относительное предложение, вводимое вопросительным словом придаточное и т.д.

Одним из известных правил, ограниченных островами, является релятивизация — построение относительной конструкции. В европейских языках релятивизация обычно соотносит некую синтаксическую роль относительного предложения (мишень релятивизации) и некоторую синтаксическую роль главного предложения (антецедент): так, в предложении (1) *Позови парня, которому ты передал билеты* мишень — не прямое дополнение относительной предикации, соотносимое с прямым дополнением главного предложения. В языках вроде русского или английского мишень не может находиться внутри острова: нельзя сказать (2) **Я встретил, человека, [которого укусившую] собаку я боюсь* (мишень здесь находится во вложенном относительном предложении) или (3) **Я встретил человека, который и Нуриет заходили ко мне вчера* (мишень здесь располагается в одном конъюнкте сочинительной структуры).

Тем не менее островные ограничения не универсальны, причем это касается и относительных конструкций: существуют языки, в которых мишень может располагаться и в островах. Этому способствует, в частности, использование резюмтивных местоимений — неотносительных местоимений, которые остаются на месте мишени; ср. в египетском разговорном арабском (4) *al-rajul allathi hua wa ibna-hu thahab-u ille New York* [DEF-человек:SG такой.что:М

он и сын-3SG.PR идти:PST.ACT-3PL.M в Нью-Йорк] ‘человек такой, что он и его сын уехали в Нью-Йорк’ (Keenan 1985). Кроме того, как указывается Б. Комри (Comrie 1998), вовсе не все относительные конструкции оперируют синтаксическими ролями — являются синтаксически-ориентированными: иногда связь антецедента с относительной предикацией определяется на основе лексической семантики участников конструкции и контекста. В таких конструкциях, которые ниже именуются семантически-ориентированными, островные ограничения также могут нарушаться.

2. В северокавказских языках встречаются как синтаксически-ориентированная, так и семантически-ориентированная релятивизация.

В абхазо-адыгских языках синтаксическая роль мишени всегда определена (см. Newitt 1979a; 1979b; Ландер 2009). При отсутствии особого маркирования роли мишени речь обычно идет об абсолютном актанта (в абхазском и абазинском при этом происходит нейтрализация актанта по роду); в других случаях роль мишени, как правило, маркируется релятивным префиксом *зы-* (иногда этот показатель отсутствует, но дополнительная глагольная морфология однозначно указывает на роль мишени). Ср. примеры из уляпского бесленеевского варианта кабардино-черкесского языка: (5) *джэнч-у а-бы къ-и-хь-а-р* [фасоль-ADV тот-OBL DIR-3SG.A-нести-PST-ABS] ‘фасоль, которую он принес’ vs. (6) *зы-гъэ-щт-а бэджы-р* [REL.A-CAUS-бояться-PST паук-ABS] ‘паук, который его испугал’.

Напротив, в нахско-дагестанских языках представлены семантически-ориентированные конструкции; ср. следующее замечание А.Е. Кибрика (1992: 214): «в синтаксическом преобразовании выражений, связанном с релятивизацией, какие-либо [синтаксические — ЮЛ] характеристики актантов оказываются нерелевантными...». В таком случае роль синтаксическая мишени может быть не восстановима вовсе; ср. арчинский пример (7) *хIаван бу-кьутту-т акь* [баран(III) III-зarezать.PF-ATR-IV мясо(IV)] ‘мясо зарезанного барана’ (букв. ‘мясо (такое, что) баран зарезан’) (Даниэль, Ландер 2008).

Рассмотрим на нескольких примерах, насколько существенны синтаксические острова для северокавказских относительных конструкций.

3. **Адыгейский язык**, как и прочие абхазо-адыгские языки, использует синтаксически-ориентированную релятивизацию. Островные ограничения для этого языка обычно работают; ср. недопустимость релятивизации из одного конъюнкта (8) **з-ятэшы-м-рэ сэ-ры-рэ шакло ты-кIуа-гъэ-р* [REL.PR-POSS+отец-OBL-COORD я-PRED-COORD охота 1PL.ABS-идти-PST-ABS] (букв. ‘тот, чей дядя и я пошли на охоту’). При этом адыгейский вообще не «любит» простую релятивизацию актантов вложенных предикаций, т.е. фактически ряд островных ограничений действуют благодаря более общему правилу. Для многих носителей языка необходимо, чтобы «копия» релятивизируемого актанта присутствовала и в главном относительном предложении, а в этом случае, возможно, не стоит постулировать единую конструкцию с релятивизацией из вложенной предикации (Ландер 2009); ср. (9) *пшъашь-эу сы-з-э-пль-зэ сы-з-фыль-эпэуа-гъэ-р* [девушка-ADV 1SG.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-CNV 1SG.ABS-REL.IO-BEN-спотыкаться-PST-ABS] ‘девушка, смотря на которую, я споткнулся (букв.: по отношению к которой)’.

4. **Тантынский даргинский**, подобно многим другим нахско-дагестанским языкам, допускает семантически-ориентированные относительные конструкции; ср. (10) *чу-ли д-ахъал арц д-иркъ-у-се администрация-лла бекI* [сам:PL-ERG N.PL-много деньги N.PL-делать.IPF-PRS-ATR администрация-GEN глава] ‘глава администрации, при котором они зарабатывают много денег’. В то же время, как и для других даргинских идиомов (см., например, Sumbatova, Mutalov 2003), для тантынского даргинского характерно использование резюмтивных квазирефлексивных местоимений: (11) *ду (сун-ни-шиу) къв-ан-се хъали* [я (сам-О-APUD) идти-PRS-ATR дом] ‘дом, к которому я иду’.

Носители тантынского даргинского с легкостью допускают относительные конструкции, нарушающие основные островные ограничения. При этом резюмтивные местоимения желательны, но не всегда обязательны:

(12) *ГЯхIмад-ли-ра сун-ни-ра мура д-ертт-иб адми* [Ахмад-ERG-ADD сам-ERG-ADD сено N.PL-косить.PF-PRET человек] (букв.: ‘человек, Ахмад и который скосили сено’); (13) *(сун-ни-ли) дам ч-иб-се кката б-ибши-иб хьхьунул* [(сам-О-ERG) я:DAT вести.PF-PRET-ATR кошка N-убегать.PF-PRET женщина] ‘женщина, та, что кошка, которую она мне принесла, убежала’; (14) *сса чу-шшу чи в-ачI-иб-анне гьити-ли хьхьар-б-игь-у-се умруппе* [вчера сам:PL-APUD кто M-приходить.PF-PRET-IQ тот-ERG низ-N.PL-доставать.PF-PRET-ATR сосед:PL] ‘соседи, о которых он спрашивал, кто к ним вчера ходил’.

5. **Удинский язык** тоже относится к нахско-дагестанской семье и, судя по отдельным примерам, допускает семантически-ориентированные конструкции: (15) *бава-н укI-ала хуйаьр* [отец-ERG говорить-PTCP девушка] ‘девушка, о которой скажет отец’. Впрочем, канонические для нахско-дагестанских языков и наиболее используемые в удинском «причастные» конструкции, по-видимому, плохо релятивизируют даже некоторые роли в простом предложении (сложности возникают при релятивизации посессора). Резумптивные квазирефлексивные местоимения в нашем корпусе устных текстов не встречаются, в корпусе письменных текстов появляются крайне редко, а при элицитации зачастую допускаются с сомнением.

Данные по возможности релятивизации актантов островов не достаточны. Однако, например, в квазисочинительной «цепочечной» конструкции (имеющей свойства как подчинения, так и сочинения; см. Ландер 2011) релятивизация актанта одной части признается недопустимой: (16) **гьун центр-ахун гьар-и ук-ала хунI* [ты центр-AVL приходить-AOC есть-PTCP плов] (букв. ‘плов, который ты съешь, придя из центра (села)’).

6. Итак, корреляция между возможностью/невозможностью нарушения островных ограничений и семантической/синтаксической ориентированностью релятивизации не абсолютна. Синтаксически-ориентированная релятивизация по крайней мере в отсутствие резумптивных местоимений склонна следовать островным ограничениям. Что же касается семантически-ориентированной релятивизации, она вовсе не исключает синтаксических ограничений.

Более того, думается, что граница между двумя типами может быть и не четкой: описание конструкции как семантически-ориентированной или синтаксически-ориентированной зависит от того, какой механизм лучше описывает большинство контекстов и наиболее канонические контексты, в которых мишень соответствует подлежащему и прямому дополнению (или их аналогам в эргативных языках). Для семантически-ориентированных конструкций синтаксические ограничения могут оказываться периферийны, но и для синтаксически-ориентированных конструкций допустимо периферийное использование семантических механизмов (ср., например, английскую группу *the day he came back* ‘день, когда он вернулся’, в котором связь вершины с относительным предложением определяется в первую очередь его семантикой, хотя в других случаях конструкции такого рода основываются на синтаксической информации).

Остается открытым вопрос о роли резюмтивных местоимений в семантически-ориентированных конструкциях. В даргинских конструкциях вроде (13) их роль — скорее вспомогательная, о чем свидетельствует их факультативность, но конструкции типа (12), по-видимому, требуют их появления. Это показывает, что и островные ограничения не однородны и могут иметь под собой разные основания. Появление резюмтивного местоимения, на наш взгляд, не имплицитно синтаксическую ориентированность конструкции, но дальнейшая грамматикализация его использования может вести к смене типа релятивизации.

Разумеется, эти заключения сугубо предварительны — их аргументация требует исследования значительно большего количества языков и конструкций и островов, чем те, что упомянуты выше.

Удинский и тантынский даргинский материал собирались в рамках проектов, поддержанных РГНФ (проект № 10-04-00228а), ФФЛИ (проект № А-46), РФФИ (проект № 11-06-00481а).

Сокращения в глоссах

A — агенс; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ACT — активный залог; ADD — аддитив; AOC — аорист в конвербной функции; APUD — локализация ‘около’; ATR — атрибутив; BEN — бенефактивный преверб; CAUS — каузатив; CNV — конверб; COORD — показатель сочинения; DAT — дативный преверб; DIR — директивный преверб; ERG — эргатив; GEN — генитив; H — класс людей; IO — не прямой объект; IPF — несовершенный вид; IQ — косвенный вопрос; M — мужской род; N — средний род; OBL — косвенный («эргативный») падеж; PF — совершенный вид; POSS — посессивный показатель; PL — множественное число; PR — посессор; PRED — предикативная форма; PRET — претерит; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REL — относительный показатель; SG — единственное число.

Литература

Даниэль М.А., Ландер Ю.А. О некоторых особенностях относительной конструкции в дагестанских языках // Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 14-16 октября 2008 г. С. 245-251.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Ландер Ю.А. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009. С. 612—653.

Ландер Ю.А. Удинская цепочечная деепричастная конструкция // Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции языковедов (6—8 июня 2011 года). Махачкала. С. 53—61.3

Comrie B. Rethinking the typology of relative clauses // Language Design 1 (1998): 59—86.

Hewitt B.G. The relative clause in Aduyge (Temirgoi dialect) // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 6. 1979а. С. 134—159.

Hewitt B.G. The relative clause in Abkhaz (Abžui dialect) // *Lingua*. 1979b. Vol. 47. P. 151—188.

Keenan E.L. Relative clauses // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II. Cambridge, 1985. P. 141—170.

Ross J.R. Constraints on Variables in Syntax. Ph.D. diss. Cambridge (Mass.), MIT, 1967.

Sumbatova N., Mutalov R. *A Grammar of Itsari Dargwa*. München/Newcastle, 2003.